

Рационалистическая апология теизма в аналитической философии Алвина Плантинги

(рецензия на книгу: Аналитический теист: антология Алвина Плантинги¹)

Недавнее издание книги, в которой собраны наиболее значимые тексты известного американского философа, профессора университета Нотр-Дам, президента Общества христианских философов А. Плантинги, является знаковым событием для российской философии, разрушающим прочно утвердившийся в ней штамп о «научной рациональности» современной англоязычной философии, якобы преодолевшей иррационализм и всецело переключившейся на исполнение методологических функций и формулировку основополагающих принципов познания, далеких от «фантазий» атаквистической религиозной веры. В отечественных учебниках философии стала общим местом характеристика новейшей формы английского эмпиризма – аналитической философии – как философии сугубо атеистической и сциентистской. Однако в ходе знакомства с книгой выясняется, что такая ситуация действительно имела место в 60-е гг. XX в., однако сегодня аналитическая философия совсем иная, в ее проблемное поле входят и теологические вопросы, и в этом есть немалая заслуга А. Плантинги. Как отмечает Дж.Ф. Сеннет: «Он многое сделал для того, чтобы разрушить ту видимость неуязвимости, которую имела атеистическая фи-

---

¹ Аналитический теист: антология Алвина Плантинги / Сост. Дж.Ф. Сеннет. М.: Языки славянской культуры, 2014. 568 с.

лософия в первые шестьдесят лет XX в., и показать, как никогда прежде в современной философии, что можно рационально придерживаться теистических убеждений и методично их отстаивать... по следам его атак прошли сотни солдат-христиан, готовых отвоевать свое место на однажды оккупированной территории аналитической философии»¹.

Атеистический сциентизм разрушителен как квази-религия, как вера, абсолютирующая претензии человеческого знания на преобразование действительности, как мировоззрение, как тоталитарная идеология, притязающая на сугубо рационалистическое объяснение всего – экономики, политики, самого человека и его свободы (современное либертарианство и выросло из этих притязаний). Сциентизм отрекается от мудрости тысячелетий, гипертрофируя возможности современной науки, им движет слепота самовлюбленного индивидуализма, провозгласившего незыблемость антропоцентристских аксиом в познании (мыслях, словах) и действии, и обуславливающаяся этой слепотой юношеская самоуверенность, априорно негативно реагирующая на традиционное, ставящая себя выше всего «родительского», бережно хранимого поколениями предков, и претендующая на единственно верное понимание действительности – такой, какой она видится недоучившемуся акселерату, нарастившему мышцы, но не обогатившему себя тяжелым грузом знаний. Просто – объявить накопленную мудрость атавистическими предрассудками, исходя из собственного еще не созревшего понимания рациональности. Гораздо труднее даются попытки эту мудрость усвоить, что значит – понять и принять.

Однако мудрость не так легко спрятать на задворках современной цивилизации, сделав вид, что ее как бы и нет, этому мешает философская интенция, укорененная в глубинах человеческого сознания и с неумолимым постоянством пробивающаяся из чувственного «дольного» наружу, к созерцанию

---

¹ Сеннет Дж.Ф. Введение. Аналитический теист. Признательность // Аналитический теист: антология Алвина Плантинги. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 33–34.

«горнего». Совсем не случайно «созерцание» (теория) и «Бог» в греческом языке являются однокоренными словами. Невозможно построить никакую теорию на одних только рационалистических основаниях, как невозможно разуму охватить бесконечность, заключив ее в рамках логической дефиниции. Даже геометрическое знание нуждается в аксиомах, очевидных, но принципиально недоказуемых.

Поэтому совсем неудивительно, что философский рационализм, незаконнорожденное дитя Нового времени, презревшее родительскую мудрую веру, сегодня опровергает сам себя даже в аналитической философии (когда-то тесными узами связанной с логическим позитивизмом), пересмотревшей прежние критерии рациональности и признавшей, что они применимы достаточно широко, в том числе и к религиозному знанию. В рационалистическом аспекте, к примеру, теистическое мировоззрение так же оправдывается, как и натуралистическое (в религиозных терминах – пантеистическое), ищущее «начала» в самой природе, и новомодное «творчески-антиреалистическое», идолизирующее человека и предизирующее ему свойство «мировой причины». Тогда исходя из каких аргументов мы должны предпочитать одни мировоззрения, возводя их в ранг «научных», и игнорировать другие, если во всех них рациональные элементы с необходимостью фундируются иррациональной верой? Только ли из «новомодности»? Но моды преходящи, а мудрость вечна. И почему теист должен непременно обосновывать рационалистически для атеолога свою веру (что принципиально невозможно), а последний от подобной обязанности освобождается? Казалось бы, все должно быть наоборот, ведь за плечами теиста – опыт тысячелетий, чего не скажешь об атеисте или агностике, которые сегодня, надо в этом признаться, диктуют правила ведения философского дискурса.

Между тем, как справедливо утверждает А. Плантинга, современный философ «имеет полное право начинать с веры в Бога. Он имеет право в своей философской работе принимать

эту веру, считать ее само собой разумеющейся независимо от того, сможет ли он убедить при этом своих неверующих коллег в том, что это верование истинно... у христианского философа есть дела поважнее и другие вопросы для обдумывания. Разумеется, он должен прислушиваться, понимать и черпать знания из большого философского сообщества, он должен занять свое место в нем, но его забота как философа не ограничивается тем, что скептик или кто-то иной из философского мира думает о теизме. Обоснование или попытка обосновать теистическую веру перед лицом большого философского сообщества – не единственная задача... возможно, она и не принадлежит к главным. Философия – это коллективное предприятие»¹.

Действительно, не слишком ли долго философия дистанцируется от мудрости, накопленной далеко не самыми глупыми представителями человечества, считавшими долгом собственным духовным опытом и разумом засвидетельствовать истинны, конституирующие познавательную деятельность, целью и смыслом которой является определение жизненного пути человека, и не пора ли философам снова полюбить мудрость, как это и планировалось в самом начале?

Выше была отмечена высокая значимость перевода работ А. Плантинги для российской философии, которая проявляется, прежде всего, в том, что отечественные мыслители имеют возможность убедиться в «крайней бесплодности» находящейся под западным влиянием русской философии, «не выходящей за рамки теории познания»², повторяющей «необдуманно и с опозданием... западные зады»³. Что же касается православного богословия, то здесь оценка трудов А. Плантинги не может быть однозначной. С одной стороны, они обогащают представление о современной западнохристианской

¹ Плантинга А. Совет христианским философам // Аналитический теист: антология Алвина Плантинги. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 482-483.

² Лосев А.Ф. Русская философия // Страсть к диалектике: Литературные размышления философа. М.: Советский писатель, 1990. С. 78.

³ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 652.

теологической мысли, с другой – в очередной раз показывают несовместимость этой мысли с православным гнозисом. Дискуссионным остается, на наш взгляд, само понятие «философской теологии», к которому А. Плантинга прибегает при характеристике разрабатываемого им религиозно-философского направления. Ведь в православном мире сложилась традиция, в соответствии с которой богословие понимается как, в первую очередь, практическая дисциплина, нацеленная на приобретение духовного опыта, и только во вторую – как дисциплина теоретическая, оформляющая этот опыт. Философский, рационально-теоретический инструментарий для православного богословствования, несомненно, важен, но имеет лишь служебный характер. Философская же теология, как представляется, призвана к исполнению самодовлеющей роли, рациональный компонент в ней явно превалирует над духовно-практическим, и в этом отношении она является безусловной преемницей католической философии, однако идет еще дальше нее, игнорируя святоотеческое наследие, что вовсе не удивительно, если учитывать факт приверженности А. Плантинга кальвинистской конфессии, изначально нацеленной на личностные интерпретации Священного Писания.

По этой причине, как нам кажется, православного богослова может несколько удивить присутствующий в работах А. Плантинга анализ многих вопросов и тем, к которому привлекаются аргументы из области средневековой западной схоластики и новоевропейской философии, но при этом игнорируются авторитетные мнения отцов Церкви и восточнохристианских мыслителей. Между тем на Востоке достаточно давно были решены проблемы, над которыми рефлексирует А. Плантинга. Ознакомление с этими решениями могло бы избавить автора от таких неприемлемых не только для православного богословия, но и для христианского мыслителя выводов, как, например: «...цена создания мира, в котором люди порождают моральное бла-

го, – создание мира, в котором люди порождают моральное зло»¹, вследствие чего утверждается необходимость «трансмировой порочности», то есть первородный грех в такой интерпретации не является результатом действия человеческой свободы, а переносится в сферу природной детерминации (что, в общем-то, хотя и с некоторыми поправками, вполне в духе кальвинистского учения).

Тем не менее данная книга будет весьма полезна и для православного богослова, если хотя бы заставит его задуматься о необходимости объединения усилий с представителями иных конфессий с целью совместной рационалистической защиты основ христианской веры, но еще лучше – если подвигнет его к использованию имплицитно содержащихся в книге методик общения с атеистами и агностиками и их переубеждения, в котором американское Общество христианских философов достигло определенных успехов.

Библиографический список

1. *Лосев А.Ф.* Русская философия // *Страсть к диалектике: Литературные размышления философа.* М.: Советский писатель, 1990.
2. *Плантинга А.* В защиту свободной воли // *Аналитический теист: антология Алвина Плантинги.* М.: Языки славянской культуры, 2014.
3. *Плантинга А.* Совет христианским философам // *Аналитический теист: антология Алвина Плантинги.* М.: Языки славянской культуры, 2014.
4. *Сеннет Дж.Ф.* Введение. Аналитический теист. Признательность // *Аналитический теист: антология Алвина Плантинги.* М.: Языки славянской культуры, 2014.
5. *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009.

---

¹Плантинга А. В защиту свободной воли // *Аналитический теист: антология Алвина Плантинги.* М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 100.

Сведения об авторе

ЛАГУНОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, e-mail: emaillag@mail.ru

Rationalistic Apology of theism in the analytical philosophy of Alvin Plantinga

(review of the book: *Analiticheskii teist: antologija Alvina Plantinga*¹)

Aleksey A. Lagunov

Doctor of philosophy, Professor of Department of Social philosophy and ethnology

Institute of Humanitarian sciences North Caucasus Federal University, e-mail: emaillag@mail.ru

---

¹ *Analiticheskii teist: antologija Alvina Plantinga* [=The Analytic Theist: An Alvin Plantinga Reader] / Sost. Dzh.F. Sennet. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2014. 568 p.